

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ *qul* "РАБ" И *kūc*
"РАБЫНЯ" В ДРЕВНЕТЮРСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Семантический спектр терминов, которыми обозначены в древнетюркских рунических памятниках Монголии и Енисея несвободный мужчина (*qul*) и несвободная женщина (*kūc*), выявляется при анализе описанных текстами типических ситуаций, когда эти термины упротреблены. Наиболее обычной из подобных ситуаций был захват людей во время набега, в ходе межплеменных войн. Сообщения о захвате полна обычны для рунических надписей. Рабы и рабыни в древнетюркской общине были людьми насильственно увезенными с мест их обитания, вырванными из их племенной (этнической) среды, лишенными своего прежнего статуса, отданными во власть своих хозяев. Рабство становилось их пожизненным состоянием.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе неизбежно весьма неполна из-за отсутствия указаний на формы использования невольников. За пределами внимания исследователей еще остается тот немаловажный факт, что тексты фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда - мальчиков и юношей, но никогда - взрослых мужчин. Женщин и девушек упоминают как главную военную добычу, их требовали в качестве контрибуции, их отнимали у подвластных племен, если те поднимали мятеж или задерживали выплату дани. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на преобладание домашнего рабства, которое является разновидностью патриархального рабства. Следует иметь в виду, что К.Маркс, выделяя две основные формы рабства, патриархальное и античное, связывал патриархальное рабство с натуральным хозяйством (см. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.2. Т.25, Ч.1, с. 368).

Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьей, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен своего владельца или в положении рабыни-служанки. Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности значительно превышает трудовой вклад мужчин. Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и несколько утрированно обрисовал столь незаурядный наблюдатель жиз-

ни монголов в эпоху первых чингизидов, каким был Плато Карпини: "Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выучат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и споры" (см. Плато Карпини. История монголов. Л., 1968, с. 26-27). Сведения Плато Карпини подтверждают и дополняют Гильом Рубрук и Марко Поло, о том же свидетельствуют позднейшие этнографические материалы. Так, у монголов "дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивкой одежды, приготовлением пищи и другими домашними работами целиком заняты женщины". Вместе с тем, женщины активно участвуют в выпасе овец и коз (см. Н. Жагварал. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор, 1974, с. 146).

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и в неменьшей степени от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всем этом женский труд играл основную роль. Поэтому и в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, и в стойком сохранении у них левирата, и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность, стремление обеспечить дополнительной рабочей силой свое семейное хозяйство, основную производственную ячейку любого кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве подневольного женского труда вместо труда сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин настоятельно диктовалась также соображениями безопасности. Концентрация рабов, т.е. недавних воинов враждебных племен, в аялах, рассеянных по степи и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени - все это было невозможно ради простого самосохранения. Концентрация невольниц, часть которых становилась женами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем, интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин. Ведь, согласно

"Ясе" Чингиз-хана, во время походов женщины "исполняли труды и обязанности мужчин" (см. Б.Я.Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 56).

Были у кочевников и рабы-мужчины. Если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольской эпохам, многие из них становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками - коней рабам не доверяли. Лишь у енисейских кыргызов, практиковавших ирригационное земледелие и строивших укрепленные "городки", труд рабов-мужчин применялся сравнительно часто. Часть захваченных пленников турки освобождали за выкуп или продавали в Китай.

Таким образом, хотя личное рабство в турецких государствах Центральной Азии не выходило, в основном, за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и ее боевая сила, были связаны с эксплуатацией не столько невольников (qul), сколько - и даже прежде всего - невольниц (kūn). Захват полона был одной из главных целей тех войн, которые вели турки.

А.Д.Кныш

ХАНБАЛИТСКАЯ КРИТИКА СУФИЗМА (по материалам "Талбис Иблис" Ибн ал-Джаузи)

Проблема отношения ханбализма к теории и практике мусульманской мистики решается не просто: об этом свидетельствуют две различных точки зрения на нее, существующие в современном исламоведении. В советской востоковедной литературе эта проблема не получила отдельного освещения, хотя ее касались И.П.Петрушевский, В.В.Наумкин, Г.М.Керимов, главным образом, в связи с деятельностью ал-Газали.

Первая точка зрения была высказана И.Гольдциером и сводилась к тому, что ханбалитский мазхаб со времени своего основания (2-я половина IX в.) и, в особенности, в X-XI вв. выступал как непримиримый противник суфизма. Только благодаря "миротворческой" деятельности шафиитского факиха ал-Газали был достигнут компромисс между суфизмом и официальным суннизмом, несмотря на яростное сопротивление ханбалитов.¹

Другая точка зрения, возникшая сравнительно недавно, принадлежит американскому востоковеду Дж.Макдиси, который отказывается признать ханбализм антиподом суфизма. Оба течения, полагает Мак-